

ПРИДЦАТЫЕ ГОДЫ... Разве забудется, как стояли мы в очередях у Политехнического за билетом «на Яхонтова», как только ему свойственной походкой выходил он на сцену в черной фракной паре, как звучал яхонтовский голос. И происходило чудо: мы вдруг ощущали себя участниками праздника мысли, проникали вслед за первооткрывателем театра одного актера в самые сокровенные глубины творчества великих граждан планеты Земля.

Яхонтов ничего не копировал. Это ведь ему принадлежат слова: «От благоговения перед великими произведениями не может родиться ничего великого. Благоговейший робок. Великое рождается от проникновения в суть. От стремления скопировать великое ничего не получится, кроме фальши». Победа за тем, кто «пишет свое время».

Отдавая должное Владимиру Яхонтову, Ираклий Андроников писал: «...творчество его оставило неизгладимый след в советском искусстве и не пройдет даром для будущего».

Убедительным доказательством бесспорности этого вывода стали спектакли театра одного актера, с которыми в эти дни знакомятся петрозаводчане.

Нет, Виктор Харитонов не копирует Яхонтова, он «пишет» свое время по-своему. Если в искусстве Яхонтова на первый план выдвигалось заостренно публицистическое решение, то Харитонов исполнен и патетики, и лиризма. Если перевоплощение в искусстве Яхонтова всегда играло подчиненную роль, если он, даже перевоплощаясь, не представлял как бы изнутри пылливо разглядывать своего героя, то Харитонов почти всегда в образе. Он доходит до самой сути,

ПРОНИКНОВЕНИЕ В СУТЬ

становясь то Сергеем Есениным, то Исааком Бабелем, Эдуардом Багрицким, Сашей Черным...

Одна из его композиций называется «Интеллигенты из Одессы». Устами своих героев Харитонов рассказывает о народе, о том высоком идеале, который несли в сердцах своих и бойцы Первой конной, громившие белобандитов, и скромные люди городских предместий, уверовавшие в революцию.

На погруженной во тьму сцене появляется человек в куртке, которая затем кажется нам то гимнастеркой, то пижамой, — в зависимости от обстоятельства. Человек поочередно подходит к трем ширмам и зажигает фонарь, жестяную лампу и узорный светильник. И вспыхивает огонь творчества трех представителей нашей литературы, и проходит перед нами нелегкая судьба каждого из них.

Неповторимая проза Бабеля, гражданские стихи Багрицкого и язвительные строки Саши Черного звучат как лирические и патетические монологи, в сумме помогая создать портрет эпохи. Идет спор о смысле жизни, спор, в котором Виктор Харитонов выступает не как иллюстратор, не как свидетель; у него своя, принципиальная позиция, явное стремление быть бескомпромиссным, дойти до сути. Он с теми, кто непосредственно участвует в борьбе. Он против тех, кто в трудное время счел возможным отойти в сторону.

Большим достижением актера стало в этом спектакле чтение отрывков из «Копарни» и

НА СПЕКТАКЛЯХ АКТЕРА ВИКТОРА ХАРИТОНОВА

других произведений Бабеля и фрагментов из незаконченной поэмы Багрицкого «Февраль».

Шел поединок мыслей, и казалось, что со звоном стайкиваются остро оточенные клинки. Впрочем, настоящая сабля висела на ширме Багрицкого. Эта ширма порой казалась парусом, жадно впитывающим ветер. И сабля не осталась в ножнах. С нею в руке, под звуки «Интернационала», актер в финале вышел на авансцену. Борьба продолжалась.

«Сергей Есенин». Это не просто «чтение стихотворений» поэта и фрагментов из его дневников и писем. На два с лишним часа Виктор Харитонов как бы становится «последним поэтом деревни».

Зритель видит с левой стороны сцены берестяной кошель и лапти, а с правой — цилиндр, белое кашне и тросточку. На фоне черного бархата — портрет Есенина, который поворачивается к стене, как только заканчивается пролог. И вновь начинается поединок. Только на этот раз герой спектакля борется с самим собой. Образные детали «работают» на протяжении всего действия, олицетворяя борьбу двух начал в душе самого Есенина.

Надо отдать должное артисту: он ведет роль искренне, органично, по-есенински читает стихи. Но тут Виктора Харитонова подстерегает опасность. Показы-

вая мятущегося Есенина, исполнитель и автор композиции в какой-то мере упускает главное: нетленную суть творчества поэта, а значит, и суть этой крупной личности.

И то, что на подмогу призывается Маяковский, чьи слова идейно завершают композицию, в данном случае лишь подчеркивает, что где-то в самих есенинских монологах утрачено точно выверенное соотношение чувства и мысли, которым отличается спектакль «Интеллигенты из Одессы».

И еще одно замечание. На этот раз о методологии раскрытия образа Саши Черного. В композиции (во всяком случае, в первой ее части) характеристику этому сложному поэту дают его собственные стихи. И характеристика эта беспощадная. Но вполне ли она справедлива? Стоит напомнить следующее высказывание Корнея Ивановича Чуковского: «Против... мрачной эпохи и восстал в своих сатирических стихах Саша Черный. Он... надел на себя самую маску ненавистного ему обывателя и стал чуть не каждое стихотворение писать от имени этой отвратительной маски. Если читать его сатиры одну за другой, покажется, что перед тобой дневник растленного интеллигента той эпохи...».

Из сказанного очевидно, что не следует путать Сашу Черного и его уродливую маску. И хорошо, что во второй части композиции этот просчет отчасти исправляется.

Итак, два спектакля. И впереди нас ожидает третий — «На смерть поэтов». Новой встречи с театром одного актера мы ждем теперь с особым интересом. Две первые порадовали нас, обогатили духовно и эстетически. Дело тут не только и не столько в актерской оснащенности Виктора Харитонова, хотя и о ней можно сказать многое. Точными штрихами умеет он набросать образ своего героя. По мере того, как развивается действие, мы ловим себя, например, на мысли,

что теперь нам уже не нужно «опознавательных знаков» в виде котелка или буденовки, чтобы узнать, в какой из трех ролей мы видим сейчас Харитонова. Это молниеносное перевоплощение достигается благодаря высокому мастерству.

Но главное достижение актера — создаваемая им атмосфера цельности происходящего, умение выпукло передать основную мысль, используя множество деталей, утверждение им высокопатриотического, советского идеала.

Его цель — проникновение в суть.

Ис. БАЦЕР.

На снимках: Виктор Харитонов в спектаклях «Сергей Есенин» (внизу) и «Интеллигенты из Одессы».

Фото П. Беззубенко.

7 СЕН 1969

Г. ПЕТРОВА

252